

«Что ты сейчас сказал? А ну повтори ещё раз! Это вообще тон, которым разговаривают со своим парнем?!»

Разве не говорили, что господин Юйань — воплощение мягкости, благородства и безупречных манер, что со всеми он неизменно вежлив? Почему же стоило ему переступить порог Водной Беседки в Облаках, как ему тут же вручили целую гору домашних заданий?

И вообще, что это за парень? Неужели все бессмертные совершенствующиеся такие умные, что могут за один день выучить три тысячи рун?

Цзян Тан мысленно ругался на чём свет стоит, а вслух всё равно покорно ответил:

— Да.

После этого он снова последовал за Фу Линцзюнем в Водную Беседку в Облаках.

Тот выдал ему кисть, тушь, бумагу и тушечницу, а сам с удобством откинулся в кресле, попивая чай и читая книгу. Вид у него был точь-в-точь как у экзаменационного надзирателя с кружкой чая и газетой.

Цзян Тану оставалось только усесться у него под носом и старательно писать по памяти.

Все руны, которые он знал, когда-то показал ему сам Фу Линцзюнь. Но тот учил его слишком многому и вперемешку, так что Цзян Тан не сразу сообразил, что именно ему писать. Та книга, которую он сегодня наугад пролистал, вроде бы была похожа на те, что когда-то давал ему Фу Линцзюнь, поэтому он просто начал выводить руны из тех томов, что помнил лучше всего.

Краем глаза Фу Линцзюнь заметил, как юноша, ещё днём бездельничавший напропалую, теперь лихорадочно водит кистью, и это совсем не походило на бессмысленную мазню.

Уголки его губ чуть заметно приподнялись, и он снова опустил взгляд в книгу.

Через некоторое время в зале отчётливо заурчало. Источник звука обнаружился сразу: желудок юноши. Фу Линцзюнь поднял глаза и увидел, как тот, покраснев до ушей, зажимает живот.

— Проголодался? — спросил он.

Цзян Тан мечтал только о том, чтобы поскорее закончить с рунами, отстоять на столбах мэйхуа

и вернуться спать, поэтому, прижимая ладонь к животу, торопливо замотал головой:

— Нет!

Фу Линцзюнь равнодушно взглянул на него и снова отвёл глаза.

Пламя свечей озаряло Водную Беседку в Облаках так ярко, будто там был день. Цзян Тан всё писал и писал, пока у него не заныли руки и не онемели ноги, и лишь тогда наконец вывел все руны, которые сумел запомнить.

Три тысячи сами по себе были не такой уж страшной цифрой. В конце концов, этот важный господин столько времени вбивал ему всё в голову, как гуся откармливают. Но переписать всё разом оказалось убийственным для рук.

— Я закончил, господин Юйань, — сказал он, растирая пальцы, и протянул ему толстую стопку исписанных листов.

Фу Линцзюнь слегка приподнял подбородок, показывая, чтобы тот положил её перед ним, затем закрыл книгу и наугад взял один лист.

Всё было выведено чрезвычайно точно: один в один, как в книге.

Но это само по себе выглядело очень странно. После его ухода юноша наугад пролистал всего пару страниц и тут же принялся лениться. Он никак не мог запомнить столько, да ещё так безупречно. Если только до того, как попасть к нему, он уже не изучал у кого-то ещё руны и формации.

И учили его, надо признать, недурно.

Фу Линцзюнь снова взял всю стопку и начал перелистывать лист за листом. На одном из них его рука вдруг замерла.

Там были изображены руны отдельных узлов, выделенные из обычной формации Пяти стихий и Четырёх образов. Это была знаменитая смертоносная формация, которую прежний святой даос Мэн Чжао усовершенствовал так, что она высвобождала огромную силу, используя в качестве основы ядра пяти стихий. Позже, когда он вместе со своим спутником Дао Чжуан Наньхаем удалился от мира, они не оставили после себя трактата с её полным описанием, и со временем изображения четырёх тотемов утратили прежнюю точность.

Если любой мастер рун, занимавшийся формациями, знал эту формацию, то дополненная версия Пяти стихий и Четырёх образов у каждого такого мастера всё равно будет своей.

А руны, которыми юноша восполнил каждый узел Пяти стихий и Четырёх образов, в точности совпадали с тем, как дополнил их он сам.

Фу Линцзюнь тихо вернул тот лист на место.

Человек перед ним становился всё интереснее. Он поднял густые ресницы и посмотрел на него своими тёмными, глубокими глазами:

— Очень хорошо.

Настроение у Цзян Тана было отвратительное. Ему ведь ещё предстояло целый час простоять на столбах в заднем дворе!

Он молча покосился на полную луну за окном, высоко стоявшую в небе, и уголок его губ дёрнулся.

Если он сейчас ещё час отстоит во дворе, спать уже не понадобится: можно будет сразу идти завтракать!

— Господин Юйань, я... пойду на задний двор, — сказал он, опустив голову и поднимаясь с пола. Послушный до невозможности.

— Хорошо, — ответил Фу Линцзюнь.

Он видел, как юноша поднялся. Видимо, движение потянуло за собой непрерывную боль в ногах, потому что тот не удержался и тихо втянул воздух. Но даже так не остановился, а медленно и упрямо продолжил идти к выходу.

Каждый шаг давался ему с явным трудом.

С чувствами у Фу Линцзюня всё было в порядке, так что этот сдавленный вдох он, конечно, услышал. Его взгляд медленно скользнул с лежавших перед ним рун на скрытые под полой одежды ступни, словно он видел сквозь плотную ткань и различал множество мелких ранок на нежной белой коже.

— Ладно, — сам не зная почему, вдруг смягчился. И когда понял это, слова уже сорвались с губ: — Уже поздно. Потренируешься завтра.

Цзян Тан втайне возликовал и поспешно обернулся:

— Да!

Но не успел он порадоваться тому, что сможет вернуться и как следует поспать, как услышал, тихое бормотание Фу Линцзюня, будто тот просто говорил сам с собой:

— Так поздно, а тот маленький зверёк всё не возвращается... Завтра надо будет его поискать.

Тело Цзян Тана мгновенно напряглось. Он лишь ускорил шаг и не увидел, как в свете свечей в глазах Фу Линцзюня проступила едва заметная улыбка.

Ворчливый Тан шёл и мысленно бесился: он и так уже измучился до предела, так почему ему ещё приходится крутиться сразу на двух ролях? Обязательно нужно найти его именно сегодня ночью, да? В те два предыдущих дня, когда он жил в комнате Фу Линцзюня, тот как-то не слишком о нём беспокоился!

Выйдя наружу, он ещё хотел спросить у Фу Син и Фу Юэ, где здесь можно раздобыть хоть что-нибудь поесть. Сегодня он не завтракал, с утра столько времени убирал в павильоне Цанхай, а потом, как раз к обеду, его Фу Линцзюнь утащил обратно зубрить и переписывать руны. До сих пор у него во рту маковой росинки не было. Он уже почти умирал с голоду. Но у дверей оказалось пусто: во всей Водной Беседке в Облаках не спали только он и Фу Линцзюнь.

Ну и ладно. Придётся превратиться в зверька, поластиться к Фу Линцзюню и выпросить у него хоть кусочек еды.

Как бы сильно ни хотелось ему этого избежать, вернувшись в павильон Юньси, Цзян Тан всё же молча превратился обратно в пушистый комочек, вылез из груды одежды и, волоча усталое тельце, застучал лапками к выходу.

Он только-только выбрался из травы у павильона Ланьси, как перед ним выросла огромная тень.

В следующий миг его, целиком, ухватили за загривок — за ту самую шкурку судьбы, — и подняли в воздух.

Маленький пушистик пару раз отчаянно задрыгал всеми четырьмя лапами и в конце концов оказался у кого-то прямо перед глазами.

Белые одежды, лиловое верхнее одеяние, благородная и утончённая красота.

Это был Фу Линцзюнь.

Цзян Тан мгновенно притих и только жалобно смотрел на него, съёжившись в комочек.

— Нога едва зажила, а ты уже носишься где попало? — Он ткнул пушистика в голову пальцем.

Длинные уши сразу поникли, а глаза, чёрные, как виноградины, жалобно уставились на него.

— Иу... — Это не я, я ничего такого не делал. Меня только что вообще заставили переписывать три тысячи рун!

Слушая это молочное звериное попискивание, Фу Линцзюнь сам не понял почему, но ему послышалось, будто это мягкое, обиженное возражение того самого юноши.

Если бы сейчас перед ним был человек, что бы он сказал? Стал бы заикаться и ругать его? Представив, как юноша, заикаясь, сердито ворчит, даже толком не умея выругаться, Фу Линцзюнь невольно развеселился. Он прижал пушистика к груди и одной рукой провёл от поникших ушей до длинного, мягкого, пышного хвоста.

Пушистый, тёплый, мягкий.

На ощупь просто превосходный.

Только вот непонятно, почему он оказался в Гуанлине и почему все вокруг не замечают ничего странного в его природе.

— Наказание тебе: сегодня останешься без ужина, — нарочно сказал он, потирая пушистику голову.

— Иу-у! — Нельзя!

Голова может треснуть, кровь может пролиться, но без еды никак!

Цзян Тан с писком тёрся о его руку и даже обвивал его пальцы пушистым хвостом, становясь одновременно жалким и липучим.

Фу Линцзюнь внёс комочек в спальню, посадил на стол и, взяв наугад кусочек пирожного, стал его дразнить:

— Ешь.

Пушистик кинулся кусать пирожное, но ухватил только его палец.

Пирожное Фу Линцзюнь спрятал в ладони.

Цзян Тан: да что ж за человек такой? Что небожитель, что великий злодей — всё у него одинаково скверно!

После двух попыток, закончившихся ничем, Цзян Тан уже не выдержал. Он вцепился в этот палец и принялся яростно его грызть, только кожа у Фу Линцзюня была слишком крепкой: он хоть всю руку ему слюнями заляпай, всё равно не прокусит.

— Иу! — Большой злодей! Целый день над ним издевается!

Маленький зверёк явно сердился, но душа у него всё равно оставалась мягкой, белой, с нежно-розовым оттенком близости.

В глубоких глазах Фу Линцзюня колыхнулась рябь.

С самого первого взгляда на этого зверька он не чувствовал в нём ни капли злого умысла. И именно это смущало его сильнее всего.

Скормив ему два кусочка пирожного и дав воды, он очень скоро увидел, как тот, ещё недавно яростно его грызший, уснул без всякой настороженности.

Розовый язычок высунулся наполовину, лапы раскинулись в стороны, и весь он стал похож на мягкую белую лепёшку.

Не удержавшись, он с дурной усмешкой ткнул в этот мягкий язычок. Комочек тут же захлопнул рот. Но, поспав ещё немного, снова понемногу приоткрыл пасть и опять высунул розовый язык.

На миг Фу Линцзюню почудилось, будто он уже когда-то в каком-то другом месте точно так же дразнил розовый язык спящего зверька.

Он вытянул руку, и на кончиках его пальцев вспыхнул золотисто-алый огонь феникса. Увидев крепко спящий пушистый комочек, тот радостно и тихо пропел и сразу потянулся к нему.

Совсем как в павильоне Цанхай, когда он так ласково тёрся о лицо юноши.

— Почему он тебе нравится? — спросил Фу Линцзюнь.

Изначальное духовное пламя могло передавать лишь чувства, но отвечать не умело. Огонь несколько раз покругил вокруг Цзян Тана, а потом клювом потянул руку Фу Линцзюня к раненой лапке зверька.

Фу Линцзюнь понял: пламя за него беспокоится.

Немного подумав, он всё же сложил печать и сотворил чистую воду, промыл все четыре

запачканные подушечки лап, а затем достал из жемчужины-нахай мазь и стал осторожно смазывать мелкие ранки на задней лапе.

Во сне зверёк будто почувствовал боль. Задняя лапка едва заметно дёрнулась, а из горла вырвалось мягкое, сонное хныканье.

Воздух вокруг быстро пропитался густым запахом лекарства.

Закончив, Фу Линцзюнь уже хотел убрать мазь обратно в жемчужину-нахай. Но на полпути вдруг замер.

Он не убрал её, а вместо этого задержал на ладони и внимательно рассмотрел.

Это была самая обычная мазь от наружных ран, которую нередко продавали в области духов. Белоснежная, с резким ароматом духовных трав. Её действие сводилось к тому, чтобы быстро останавливать кровь и затягивать раны. Поскольку ранг у такого лекарства был невысокий, а цена тоже была невелика, стоило лишь пройти по области духов, и за несколько десятков духовных камней можно было купить целую баночку.

Когда в прошлый раз он доставал её, ничего странного в этом не заметил. Но теперь вдруг вспомнил: его собственные раны заживали чрезвычайно плохо, и подобная мазь такого уровня для него была совершенно бесполезна. Даже чтобы затянуть совсем маленькую царапину, пришлось бы вымазать на неё всю баночку, неутомимо нанося слой за слоем, и то лишь едва-едва удалось бы остановить кровь.

В его жемчужине-нахай таких вещей никогда не хранилось. Ни к чему. Даже лекарства он обычно не держал про запас.

Фу Линцзюнь никак не мог вспомнить, когда именно эта баночка мази оказалась в его жемчужине-нахай.

<http://bllate.org/book/17032/1723097>